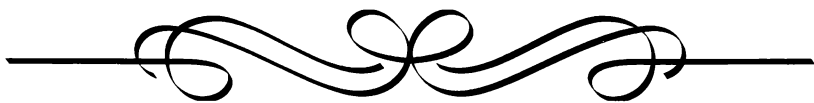

Глава XV

Армагеддон

еще одним событием в ближайшем окружении Ивана, которое могло тяжело повлиять на его душевное состояние, стала смерть царицы Марии Темрюковны, кабардинской княжны, скончавшейся 9 сентября 1569 года в возрасте примерно двадцати пяти лет. О ее взаимоотношениях с Иваном мало что известно, кроме того, что в 1563 году у них родился сын, который прожил всего несколько месяцев. Русские и советские историки изображали Марию в весьма отрицательном свете. Могла ли Ивану нравиться дикая татарка, даже миловидная, спрашивает Соловьев¹, не особенно задумываясь о том, насколько татарская девушка может быть привлекательной, в особенности для Ивана, воспитывавшегося среди татар. Говорят, что бояре ее не любили, но опять-таки, есть ли тому доказательства? Присутствие знатных татарских князей и мирз при дворе и в войске считалось само собой разумеющимся в России того времени, и они, очевидно, участвовали в званных обедах при приемах послов и на пирах, устраиваемых Иваном для своих придворных. Многие из них крестились и посредством браков завязывали связи с боярскими фамилиями. Вероятно, случались свадьбы и в более низких общественных слоях.

Брат Марии, князь Салтанкул (после крещения Михаил) Темрюкович Черкасский, находился в Москве с детства, по приказу Ивана обучался грамоте и стал закадычным другом царя. Он получал должнос-

ти и земли и имел статус удельного князя, даже издавал собственные грамоты. Михаил женился на дочери В.М. Юрьева из рода Захарьиных, двоюродной сестре царицы Анастасии, и до 1571 года был любимцем царя. Другая его сестра была замужем за возглавлявшим некоторое время земщину царевичем Михаилом Кайбуловичем. Дочь одного из главных предводителей кабардинских татар, Мария Темрюковна находилась в родстве с многими местными вождями. В ответ на письмо с выражением соболезнования по поводу ее смерти, полученное от ханской жены, Иван заявил, что в память о покойной он будет опекать и защищать ее родственников, как и прежде. Однако другие местные ханы, не чувствовавшие себя обязанными России, видимо, вызывали у него подозрения.

Смерть царицы Марии окружена ореолом тайны — ходили разрозненные слухи о том, что ее отравили бояре, а также что она пыталась отравить своего мужа. Простой народ, видимо, считал ее ответственной за перемены, происшедшие в характере Ивана после смерти Анастасии².

Но возможно, как утверждает опричник Генрих фон Штаден, ей приписывали создание корпуса телохранителей Ивана, получавших хорошее содержание и жалование, которые должны были сопровождать царя днем и ночью, то есть опричников³. Нельзя исключить того, что Мария подсказала эту мысль Ивану во время одного из периодически охватывавших его приступов паники, опираясь на свои воспоминания об образе жизни татар.

Нет никаких оснований полагать, что потеря Марии не вызвала у Ивана глубокой печали. Мария, возможно, способствовала воцарению более непринужденной атмосферы при дворе, устройству пиров с участием шутов, карликов и скоморохов, быть может, пытаясь поднять Ивану настроение. Как бы то ни было, ее смерть сопровождалась расследованием (с обычным применением пыток) по поводу возможного использования яда. Если Иван был привязан к жене, ее кончина могла надолго выбить его из равновесия, как было с Анастасией, и вкупе с роковыми событиями, связанными с Эриком Шведским, усилить его всегдашние подозрения относительно лояльности Владимира Старицкого. Смерть Марии, помимо всего прочего, серьезно ослабила позиции России на юге, где между отдельными кабардинскими князьями разгорелась распря.

Взаимоотношения с Польшей-Литвой и ход Ливонской войны не сулили ничего хорошего. Хотя литовские магнаты старались отсрочить черный день, заключение более тесного союза с Польшей было неизбежным. Польшу с Литвой соединяла только брменная жизнь последнего наследника Ягеллонов по мужской линии, бездетного Сигизмунда Августа II, так что летом 1569 года были сделаны последние приготовления. Стороны, преодолевая большие разногласия, договорились о том, что Ливонией будут совместно владеть и управлять как Польша, так и Литва, и о создании новой государственной структуры, впоследствии известной под названием польско-литовской Речи Посполитой. С 23 декабря 1568 года до 1 июля 1569 года продолжался Люблинский сейм, и согласованная на нем уния была провозглашена 1 июля. Король должен был избираться обеими нациями, как и общий сенат и сейм, избираемый на местных *сеймиках*; епископов, комендантов и кастелянов в конечном варианте также предусматривалось избирать в обеих частях конфедерации. Великое княжество Литовское сохраняло свою административную автономию, своего канцлера, казначейство и вооруженные силы во главе с гетманом и собственными чиновниками. Литовский статут (кодекс законов, подвергшийся пересмотру в 1566 году) по-прежнему действовал в стране и не претерпел изменений в связи с унией. У Польши не было законодательного свода. Во всяком случае, в ходе урегулирования территориальных вопросов внутри конфедерации она сделала территориальные приобретения. Поскольку литовцы оттягивали свое вступление в унию, Подлясье, а затем Волинь и Киевский палатинат были, в конце концов, включены в Королевство Польское. В результате этой операции Литва лишилась более половины своих владений, а Польша столкнулась с проблемой Украины. На пути воплощения в жизнь новой конституции встретилось много трудностей, но со временем Речь Посполитая сумела справиться с ними⁴.

В результате этих событий внешнеполитическим и военным планам Ивана был нанесен серьезный удар, так как Швеция в лице Юхана III стала враждебной России державой, а силы Литвы неизмеримо выросли вследствие ее объединения с Польшей, располагавшей более мощными ресурсами. Кроме того, любые притязания на литовскую корону теперь оказывались сопряжены с выборами на престол католической Польши, а это делало дипломатические маневры неимоверно затруднительными.

Что же особенного было в мнимом заговоре Владимира Старицкого, которому предшествовал мнимый заговор Ивана Петровича Федорова, что заставляло царя подозревать Новгород в готовности восстать против него? Город Старица находился на границе с новгородскими землями, и новгородская знать питала слабость к князю Владимиру, возможно, потому, что он не представлял для них угрозы. Новгород давно перестал быть очагом стародавнего сепаратизма, поскольку коренные новгородские жители были выселены оттуда при завоевании города Иваном III в 1478 году, а их земли переданы в качестве поместий московским пришельцам. Политические традиции пятнадцатого века были забыты, и город попал под управление Москвы. Однако зародился новгородский «местный патриотизм» нового толка⁵. В культурном отношении новгородцы, которые жили в одном из крупнейших торговых, ремесленных и культурных центров России, еще сохранявшем прямые деловые контакты с Европой, отличались от москвичей. У них был свой говор, а главное, они еще сохраняли верность традиционной форме правления, основанной на власти архиепископа, у которого были свои бояре, служилые дворяне и который носил белый клобук⁶. Церковь и монастыри обладали огромными богатствами и землями.

Новгородцам не нравились постоянные войны Ивана, особенно когда им приходилось отправлять свои рати в такие отдаленные места, как Казань. Им было тяжело покупать требуемое для этого снаряжение, а с введением опричнины их финансовое положение только ухудшилось. Многие помещики должны были уступить свое место опричникам, что вызвало недовольство и привело к снижению сельскохозяйственного производства и неуплате налогов, особенно в неурожайные годы. Некоторые помещики были на Соборе 1566 года и впоследствии подверглись опале и репрессиям. Новгород был причислен к земщине и потому стал объектом насилий со стороны опричников, а некоторые помещики заплатились жизнью после расправы с Федоровым. В 1560-е годы прокатились также две страшные эпидемии чумы. Последней каплей, вероятно, стала казнь Владимира Старицкого и его близких, у которых в Новгороде было жилье и где их любили.

Ярость и жажду мести по отношению к изменникам у Ивана пробудила сдача города Изборска, который литовцы вернули себе в январе 1569 года. Изборск находился неподалеку от Пскова, и при его захвате литовцы прибегли к хитрости: они переодели своих воинов в одежду

опричников и потребовали у русских открыть ворота и впустить их⁷. Им не удалось долго удерживаться в Изборске, но когда опричники отвоевали город обратно, сдавшие его были обезглавлены, а те, кто попал в плен к литовцам, были казнены в июле, когда их отпустили и вернули на родину. Пленные литовцы были признаны изменниками и тоже казнены. Так поступили и с пленниками, содержащимися в Москве⁸. Эти события, по-видимому, навели царя на мысль, что в Твери, Пскове и Новгороде зреет измена, и в марте 1569 года он обрушил свой гнев на их жителей и насильно переселил примерно 450 семей из Пскова и 150 из Новгорода во внутренние области. В основном это были представители низших сословий. Иван почувствовал удовлетворение по этому поводу, когда позднее узнал, что именно простой люд распахнул в Стокгольме ворота герцогу Карлу во время восстания против короля Эрика⁹. На протяжении 1567, 1568 и 1569 годов казни в Москве и везде, где царь ни находился, следовали одна за другой. Они не сопровождались формальными обвинениями. Царь просто отдавал приказы, сидя на коне или находясь в церкви или в своих хоромы.

Иван, который едва сдерживал свою ярость, нагрянул на Новгород, явно намереваясь искоренить любые следы крамолы, не стесняясь в средствах. В конце декабря 1569 года он собрал значительные силы опричников и оградил кордоном все почтовые ямы между Александровской слободой и Новгородом, запретив любые передвижения под предлогом чумы. Войско выступило, истребляя всех встречавшихся по дороге; деяния опричников увековечены в Синодиках: *«По приказу из Москвы шесть человек ... Псковичей с женами и детьми тридцать человек»*. Город Тверь, где находился в монастырском заключении митрополит Филипп, был окружен. Иван, судя по всему, поручил Малюте Скуратову сделать попытку договориться с пленником в надежде, что Филипп проявит мстительность, узнав о готовящейся расправе с новгородской церковью и архиепископом Пименом, и вернется на свой прежний пост. Малюта посетил Филиппа в его келье и просил у него благословения на расправу над его бывшим соперником. Но Филипп заявил, что вернется к своей должности, только если Иван распустит опричнину, и пригрозил проклясть царя. Во избежание такой беды Малюта схватил кусок какой-то ткани, чтобы заткнуть Филиппу рот, и задушил его. Игумену монастыря было сказано, что митрополит умер от нестерпимой духоты в келье 23 декабря 1569 года.

На протяжении пяти дней опричники разоряли Тверь, не щадя ни домов, ни имущества, ни людей. Перед тем как опускать тела в проруби на Волге, им отрубали ноги. (Этому предшествовала расправа в Торжке.) Источники называют разное число убитых. Считается, что погибло примерно тридцать шесть тысяч человек, включая девять тысяч замученных и вдвое больше умерших от голода и болезней. Все содержавшиеся в Твери литовские пленные были истреблены¹⁰. Затем 2 января 1570 года Иван подошел к Новгороду и окружил город заставами, чтобы никто не смог ускользнуть. Первым объектом репрессий была церковь. Опричники нагрянули в церкви и монастыри и арестовали несколько сот духовных лиц. Через четыре дня, по прибытии Ивана с отрядом его личных телохранителей, насчитывавшим 1500 опричников, эти люди были подвергнуты порке и сечению по икрам (выставлены *на правеж*), чтобы принудить их выдать свое имущество¹¹. Правеж продолжался целый год, после чего оставшиеся в живых были отпущены, поскольку одной из главных целей Ивана при разграблении Новгорода было наполнить свои пустые сундуки. И действительно, 13 октября 1570 года 13 000 рублей были доставлены в Москву.

В воскресенье 8 января Иван прошествовал в собор св. Софии, на мосту через реку Волхов его встречал архиепископ Пимен с крестом и иконами. До тех пор Пимен был верным сторонником царя. Дальше наступил ад кромешный. Царь не позволил архиепископу благословить себя и громко обвинил всех новгородцев в измене, он заявил, что они хотят отдать его новгородскую вотчину латинянам, чужеземцам, Сигизмунду Августу. Тем не менее Иван был слишком набожен, чтобы пропустить Божоявленную службу, поэтому он присутствовал на обедне, а до этого на пиру, специально для него устроенном. Затем в приступе гнева он приказал немедленно арестовать Пимена и его бояр. Согласно Шлихтингу, Иван созвал свою челядь и приказал ей разграбить собор святой Софии, сорвал с Пимена белый клобук и ризы. Царь заявил, что Пимен не достоин быть архиепископом, а должен стать скоморохом и что он сосватает ему жену за счет находившегося там духовенства. Присутствовавших заставили выложить крупные суммы денег. Потом Иван велел привести кобылу и сказал Пимену: *«Вот тебе невеста, залезай на нее и езжай в Москву, где ты можешь записаться в скоморохи»*. Иерарха посадили на лошадь задом наперед, что в те времена считалось самым унижительным ритуалом во всей Европе, связали ему

ноги под животом кобылы и в таком виде вывезли за город. В руках у него были гусли и волынка, обычные принадлежности скomorоха, что явилось дополнительным унижением (в русских церквах музыкальные инструменты были под запретом). Так архиепископа препроводили в Москву, где он должен был ожидать суда Церковного собора¹².

На следующий день в Городище, ставке Ивана за пределами Новгорода, начался судебный процесс над обвиняемыми в измене. Он сопровождался непереносимыми пытками (на сей раз применялись раскаленные печи, кипящая вода и погружение в Волхов), в то время как исповедник Ивана Евстафий и думный дьяк Л.А. Салтыков наблюдали за расхищением церковного и монастырского имущества. Мужчин, женщин, детей и даже младенцев подвергали пыткам, связывали, соединяли цепочкой и бросали в реку. Она была покрыта льдом, поэтому опричники пробивали проруби, в которые и бросали людей. Согласно одному из толкований такой формы расправы, сталкивания под лед, она была традиционной для старого Новгорода, а в данном случае использовалась в знак того, что жертвы были виновны в отступничестве и попытке сдать город «латинянам». Топя людей в реке, палачи утверждали, что посылают их прямо в ад, который в народе представляли иногда речным дном. Один из обвиняемых, которого опускали на веревке в воду, а затем вытаскивали опять, на вопрос, что он там видел, ответил, что он был со злыми духами в аду* и видел там место, приготовленное для царя¹³.

При таком подходе нетрудно было получить признания в измене. Согласно тщательным разысканиям Скрынникова, Синодик, перечисляющий жертв Ивана, погибших в Новгороде, указывает на то, что движение против Ивана в городе возглавлял боярин В.Д. Данилов. Расхожий слух утверждал, что некий житель Полоцка поступил на службу к одному опричнику, а затем бежал в Речь Посполитую и там сообщил властям о готовящемся в Торжке, Твери, Новгороде и Пскове, откуда люди посылали к Сигизмунду гонцов с просьбой взять их под покровительство. Некоторые документы подобного рода, свидетельствующие об измене, были найдены в Новгороде и доставлены Ивану. Общий замысел этого предательского заговора походил на предшествовавшие попытки измены, якобы имевшие место в 1567 году и приведшие к каз-

* У Шлихтинга нет слова «ад».

ни Ивана Петровича Федорова. Данный заговор выглядел как результат новых стараний Сигизмунда склонить крамольно настроенных бояр из земщины к выступлению против Ивана, в чем ему должен был помочь Данилов, близкий к Федорову человек. В этой связи упоминались как раз те города, которые подверглись репрессиям со стороны царя во время его северного турне: Торжок и Тверь. Теперь настал черед Новгорода, а Псков оставался на закуску.

Данилов был схвачен, и признание в измене в пользу Сигизмунда было в конце концов вырвано у него под пытками. Архиепископ Пимен оказался тоже причастным к делу. Иван тем более был склонен верить в существование нового заговора, что по всем признакам он не только был задуман в Литве, но и спланирован во всех деталях князем А.М. Курбским, чья незримая рука везде мерещилась мнительному Ивану. Очевидно, что существовали мятежные настроения, которые выливались в основном в речи и толки, но вместе с тем подпитывались Речью Посполитой, имевшей в виду две цели: во-первых, предотвратить восшествие на польский престол Ивана или одного из его сыновей в случае возникновения вакансии; во-вторых, способствовать занятию русского престола Сигизмундом в случае смерти Ивана, слухи о которой периодически начинали курсировать¹⁴. Согласно донесениям венецианского дипломата Джерио, который прибыл в Москву вскоре после разорения Новгорода, заговор был раскрыт в результате поимки гонца, перевозившего крамольное письмо. Тщательное исследование Скрынниковым всех этих скудных фактов заставляет думать о литовских кознях, подогреваемых русскими беженцами в период, когда влияние Курбского в Литве было наивысшим¹⁵. Однако никаких доказательств не существует.

Отряд опричников был послан в Нарву и там разграбил имущество и собственность русских горожан, с которых при помощи правежа был взыскан штраф на общую сумму 8000 рублей. Имущество нерусских жителей, по всей видимости, не пострадало¹⁶. Ватаги разбойников рядились в одежду опричников и бродили по деревням, убивая и грабя¹⁷.

После разорения новгородских церквей, включая собор св. Софии, с которого были сняты огромные двери, перевезенные в Александровскую слободу, где их можно видеть и поныне, опричники обрушились на знать и богатых купцов, не только расхищая их имущество, но и разрушая дома. Наконец настала очередь бедных горожан, чьи жилища,

кладовые, амбары и запасы продовольствия были разграблены. Этот разрушительный набег, произошедший в разгар зимы и дополнявшийся двумя эпидемиями чумы (в 1566 — 1567 и в 1570 — 1571 годах), лишил население крова и пропитания, найти которое на стороне в это время года было невозможно. Но когда Иван услышал, что мертвых засаливают в бочках, он стал преследовать подозреваемых в каннибализме. Голод и мор, уже вызвавшие в Новгороде немало жертв в 1560-е годы, сильно приумножили общее число погибших (без учета просто замерзших насмерть). А то, что реки были запружены телами, объясняется, возможно, в первую очередь эпидемией холеры.

Общее число погибших при разорении Новгорода, насчитывавшего в то время около 30 000 жителей, в точности не установлено и весьма приблизительно оценивалось в пределах от 2771 человека (по данным Шлихтинга) до 700 000 человек (согласно Горсею). Сегодня историки считают, что официально казнено было примерно 2200 человек, но множество людей погибло в ходе опричных бесчинств¹⁸. Конечно, Синодики содержат не все имена жертв разграбления Новгорода (особенно женщин и детей), но здесь названо 379 имен, в том числе 211 помещиков и приказных и 137 членов их семей. Среди прочих присутствуют холопы, ремесленники и монахи¹⁹. Казнены были все, кто имел какое-то отношение к князьям Старицким. Погибли многие влиятельные купцы (*гости*) и старшие дьяки, некоторые из них были замучены из-за их богатства. Генрих фон Штаден неплохо заработал во время опричных расправ. Он выехал из Москвы на одной лошади с 2 слугами, а вернулся на 49 в сопровождении 22 возов^{*20}.

13 февраля Иван отправился в Псков, чтобы продолжить начатое дело. Он остановился за городом, в Никольском монастыре. За воротами его встречала представительная процессия с крестами, иконами, хлебом-солью и другими подарками. Игумен крупнейшего Псково-Печерского монастыря Корнилий вышел навстречу царю, но не смог отвлечь его гнев, который, как и в Новгороде, обрушился прежде всего на церковных иерархов, которые у царя находились под особым подозрением. Дело в том, что один из монастырских летописцев, пользовавшийся уважением в церкви, Вассиан Муромцев, переписывался с А.М. Курбским, а игумен Корнилий на протяжении многих лет зани-

* Саней.

мался составлением Псковской летописи, направленной против Москвы. В одной из Псковских летописей записано, что 20 февраля 1570 года земной царь отправил Корнилия к царю небесному²¹. Согласно одному из Синодиков, было казнено от тридцати до сорока служилых дворян, а также много чернецов и старцев из монастырей и несколько приказных. Среди казненных была одна женщина, Елена, теща новгородского наместника в Пскове, носившего примечательное имя Неудача.

Похоже, что у царя были особые счеты с церковной верхушкой Пскова, так как ее ограбление сопровождалось более жестокими буйствами, чем обычно. Но нападение опричников на сам город продолжалось недолго вследствие обстоятельств, которые по-разному представлены в современных свидетельствах, а многие историки отрицают их достоверность. В Пскове был юродивый по имени Никола; он пользовался такой известностью, что сам царь посетил его в его келье. Предложив Ивану хлеба-соли, Никола пригрозил царю: *«Ты замучил точно людей. Ступай назад в Москву, иначе лошадь, на которой ты приехал, не повезет тебя обратно»*. Блаженный предостерег царя от продолжения кровопролития и разорения святых мест. Трудно сказать, было ли так на самом деле²². Но это как раз происшествие такого рода, которое могло повлиять на легковерного царя, и тот уехал в Старицу, а затем в Александровскую слободу.

Пока разворачивались все эти прискорбные события, Иван не забывал о необходимости стабилизации положения на севере и оборонного строительства на юге с помощью осторожных дипломатических ходов. 3 марта в Москву из Речи Посполитой прибыло представительное посольство во главе с Яном Кротовским в сопровождении 718 человек и 900 лошадей, а также 643 купцов со слугами. Оно было размещено в Литовском дипломатическом дворце в Москве. Но царь под тем предлогом, что устал после усмирения Новгорода и Пскова, просил посла подождать, пока отдохнет, и до 4 мая оставался в Александровской слободе. 7 мая он принял посла в присутствии ряда чиновников, возглавляемых Висковатым, причем в скором времени трое из последних были казнены²³. На протяжении следующих недель стороны занимались обсуждением условий перемирия, но обстановка значительно обострилась вследствие угрозы со стороны крымского хана. Возникла необходимость переброски войск для защиты южной границы и присутствия там самого царя. К счастью для Ивана, 21 мая татары были

разбиты, и он вернулся в Москву, оставив на юге крупные силы под водительством трех крупнейших военачальников из земщины: Бельского, Мстиславского и Воротынского. (Именно к этому моменту относится эпизод с неспособным командиром, который отступил еще до начала царской атаки и за то был брошен на съедение медведю.)²⁴

Переговоры с литовским послом проходили под знаком поступающих новостей о болезни короля Сигизмунда Августа, придававших актуальность вопросу о польском престолонаследии. Возможность участия Ивана в качестве одного из претендентов давно будоражила умы, но на этот раз 10 июня 1570 года польско-литовский посол открыто затронул эту тему, на что Иван возразил: *«Наше царство достаточно велико, зачем мне ваше?»*²⁵ Однако новости об ухудшающемся здоровье Сигизмунда Августа заставляли торопиться с подписанием перемирия.

Тем не менее присутствие в Москве многочисленного польско-литовского посольства привело к ряду неприятных дипломатических инцидентов и стычек. Ни в одной из стран Европы в то время еще не существовало формально принятых правил дипломатического этикета, но происходило постепенное формирование определенного международного этикета. Впрочем, его не всегда соблюдали, в частности, восточные державы (Порта Оттоманская), в том числе и Россия. На Востоке общепринятой практикой было также размещение и питание за счет принимающей стороны, и члены посольств занимались к тому же на частной основе широкомасштабными торговыми операциями. Таким образом, на прибывшее посольство нетрудно было воздействовать, обеспечив его неподходящим жильем, недостаточно снабжая питанием или препятствуя свободе передвижения. В данном случае причиной трений стал член литовского посольства, который набросился с кнутом на царского исповедника. Напрасно он объяснял, что это вышло ненароком, — царь посчитал, что чести его священника нанесен урон, и отплатил литовцам тем, что унизил членов посольства, заставив их, когда они явились по его вызову в Кремль, спешиться в отдалении и войти в Кремль пешком. Дело кончилось нападением на послов опричных стрельцов Ивана, сорвавших с них одежду и шапки. Иван напялил литовскую шапку на голову своего шута и велел ему преклонить колени на литовский манер, а затем объяснил, как это делать под свой любимый клич «Гойда! Гойда!». В ссоре из-за стоимости подарков породистая лошадь, доставленная царю, была разрублена на куски²⁶. Тем

не менее 23 июня 1570 года между Россией и Литвой было подписано составленное на скорую руку трехлетнее перемирие, так как Иван старался избавиться от литовского военного присутствия, накалявшего внешнеполитическую обстановку. Между литовцами и русскими существовали тесные семейные связи, и царь не мог помешать сторонам вести неофициальные переговоры и даже интриговать, тем более что между ними не было языкового барьера*. Многие из русских противились заключению мира, опасаясь, что в мирное время у Ивана будут развязаны руки и он сможет расправляться со своими подданными.

Соглашение о трехлетнем перемирии с Речью Посполитой было представлено царю для ратификации Висковатым на подносе 22 июня 1570 года, и не позднее 3 июля 1570 года польское посольство отправилось восвояси²⁷.

Примечательным в этом посольстве было участие в качестве капеллана Яна Рокиты, гуситского старосты общины богемских братьев, и его споры с царем по религиозным вопросам. Иван был настолько уверен в своих богословских познаниях, что дважды в жизни вступал в публичные диспуты с высокопоставленными представителями других вер. Первым был Ян Рокита, а вторым — иезуит Антонио Поссевино, который в марте 1582 года несколько раз публично дискутировал с Иваном о вере²⁸.

Диспут Яна Рокиты с Иваном состоялся 10 мая 1570 года, сразу после заключения Люблинской унии и создания Польско-Литовской федерации. Польско-литовские протестанты в это время прощупывали почву в России для призвания Ивана IV на польский престол в случае смерти короля. Рокита был весьма высокопоставленным, опытным и уважаемым старейшиной богемского братства²⁹. Просьба о дискуссии с царем по поводу протестантизма исходила от него, и Иван откликнулся на нее не очень охотно. Сохранившиеся документы включают ответы Яна Рокиты на десять вопросов, поставленных Иваном и требовавших объяснения, чему именно богемский брат учит верующих, в чем заключается оправдание их веры, и в том числе ответы на такие сложные вопросы, как оправдание одной верой, а также тонкости обрядов и поведения, отличающие лютеранство от православия. (Иван: *«Но как не подивиться, что вы ... приписываете оправдание человека одной вере,*

* Очевидно, речь идет о русских подданных Великого княжества Литовского.

когда сказано, что придет Господь судить живых и мертвых и воздаст каждому награду по делам его?».)

Отрицая свою принадлежность к лютеранству, Рокита в своем ответе Ивану утверждал, что его вера вышла из подчинения папе, что она не нуждается более в заступничестве святых и в почитании кумиров (икон). Его взгляды на брак представляют собой чистый паулинизм.

В целом выступление Рокиты было весьма умеренным.

Через некоторое время Иван передал составленный им (или по его заказу) ответ, подписанный псевдонимом Парфений Уродивый³⁰. По всей вероятности, он создавался в тесном сотрудничестве с митрополитом или другими знающими духовными лицами, так как этот документ, хотя и датированный 31 июня³¹, несет на себе явные признаки Иванова стиля (*«не давайте святыни псам и не мечите бисера перед свиньями»*), в нем содержится серьезная попытка обсудить различия двух вероисповеданий. Этот длинный текст разбит на четырнадцать глав. Царь осуждает человеческие качества Лютера, которого он считал учителем Рокиты, его лютость (здесь имеется каламбур, заключенный в слове *люторство*) и называет его ангелом Тьмы, как и Сатана, изгнанным с небес. Он обвиняет Рокиту в искажении содержания Священного Писания, по обыкновению ссылаясь на места из Библии и святых отцов. Как и следовало ожидать, Иван поднимает вопрос о вере и делах и отрицает возможность оправдания одной верой. *«Но хочешь ли ты понять, о ничтожный человек, — говорит он Роките, — что вера без дел мертва?»*.

Иван также отвергает идею предопределения, указывая на то, что предопределение было отменено в момент воплощения, и рассматривая заповеди Второзакония как догматы иудаизма. Отрицание Рокитой икон и почитания изображений опровергается доводом, что иконы представляют небесные силы, необходимые для спасения людей, а вовсе не идолов. Все рассуждение более, чем обычно, проникнуто разумными доводами, но в конце Иван осуждает Яна Рокиту за извращенное учение, за ересь, служение Антихристу и запрещает ему впредь проповедовать в России³².

Тем временем новый русский посол в Англии, Андрей Григорьевич Савин, благополучно прибыл в Лондон, и 27 августа 1569 года для него был устроен церемониальный прием в Тауэр Уорф. Лорд-мэр и олдермены, одетые в алые платья, а также «купцы Московской компа-

нии в плащах из черного бархата, все верхом» сопровождали Савина в Московский дом. В задачу Савина входило заключение соглашения по поводу предоставления убежища Ивану в Англии, а Елизавете — в России и доведение до конца переговоров о союзе между двумя странами, устная договоренность о котором в общих чертах была достигнута с Рандольфом³³.

Подробности переговоров неизвестны, но речь шла и о межгосударственных отношениях (о праве русских свободно торговать в Англии, о найме мастеров и т.д.), и о делах Московской компании. Трудности, с которыми встретились стороны, характеризуются требованием Савина от 6 мая 1570 года, чтобы «тайные грамоты» королевы были написаны «по-русски слово в слово» и чтобы королева подписывала и клятвенно заверяла свои письма и подвешивала к ним свою печать. То же самое обязывался делать царь. Недоверие Ивана к английскому протоколу выразилось в его требовании, чтобы переводы на русский язык делались в присутствии его посла³⁴. И снова от имени Ивана Савин потребовал, чтобы «при великом посланнике» был отправлен Энтони Дженкинсон, так как он участвовал в переговорах с самого начала, и «потому царь гасст лучшую веру его словам»³⁵.

В мае 1570 года Елизавета предоставила Савину формальный ответ на предложение союза, но он был составлен в столь «елизаветинском», уклончивом духе, что понять, что же имеет в виду королева, местами действительно невозможно. Елизавета принимает предложенные Иваном «договор и союз», она решила воспользоваться им «в той мере, какую дозволят те договоры и те союзы, которые уже давно нами заключены и унаследованы нами от наших предков, королей Английских». Таким образом, существующие международные обязательства сохраняют приоритет перед «дружбой» с Иваном, которая, как намекает королева, даруется ему за полученные от него торговые привилегии. Однако в заключение она проявляет щедрость: королева собирается заключить братский и сестринский союз с Иваном навек, и этот союз обязет их всемерно противостоять всем их общим врагам «в той мере, как устанавливается сею нашей грамотой». Подвох снова таился в конце: «И мы не будем помогать, пособлять или допускать, чтобы какое-либо лицо или властитель вредил вам или вашим странам, в той мере как по возможности или по справедливости нам можно будет благоразумно сему воспрепятствовать или сие отвратить». Это означало, что Ели-

завета готова защищать Ивана скорее словесно, нежели с помощью военной силы. В то же самое время во втором в высшей степени секретном письме, датированном тем же числом, подтверждалась гарантия убежища со стороны Елизаветы для Ивана «с благородною царицею ... и с вашими любезными детьми, князьями». Это письмо было подписано главными членами королевского совета³⁶. Елизавета не стала брать на себя обязательство просить убежища в России в случае восстания ее народа против нее.

Однако, невзирая на согласие Англии совместно с Россией действовать против общих врагов, Иван все еще не считал, что предложенный союз в достаточной степени соответствует его нуждам. Ведь Елизавета, которая не желала быть втянутой в какую бы то ни было войну, тем более в Восточной Европе, оставила для себя лазейку, согласившись оказывать Ивану помощь лишь в той мере, в какой эта помощь не будет затрагивать ее обязательства перед другими христианскими державами, то есть она могла решать самостоятельно, когда применять договор, а когда нет. Королева явно считала, что соглашение достигнуто, поскольку сочла излишним посылать в Россию для дальнейших переговоров с Иваном Дженкинсона или кого-либо еще³⁷.

Савин привез с собой в Россию ценное приобретение для Иванова двора — доктора медицины Елисея Бомелия, которому предстояло сыграть здесь значительную роль: обзавестись сомнительной репутацией и подвергнуться мучительной казни. Бомелий был выходцем из Германии, сыном лютеранского проповедника из Вестфалии, друга английского епископа Бейля. Он получил медицинское звание в Кембридже и успешно занимался в Англии частной практикой, но в 1567 году был арестован за лечение без лицензии. Бомелий, помимо прочего, хорошо разбирался в астрологии и алхимии. В 1570 году он был освобожден из тюрьмы при суде королевской скамьи (возможно, в связи с тем, что Савин предложил ему поехать в Россию). Услугами Бомелия пользовался лорд Берли, и по слухам, он справлялся у него относительно продолжительности жизни Елизаветы. Говорили также, что он добился от Бомелия обещания снабжать его сведениями о России³⁸.

Пока царь занимался посольством Речи Посполитой и перепиской с Елизаветой, 10 июня 1570 года в Москву, с разрешения своего брата, короля Дании, прибыл Магнус Датский, который был принят в качестве короля Ливонии. Он принес присягу Ивану как своему сюзерену

и получил от него грамоту на наследственное управление вассальным Ливонским королевством. В него входили бывшие русские, польские и шведские владения, захваченные в Ливонии, в том числе и Рига, которая к этому времени являлась самым настоящим вольным городом. Новое королевство в лице своих городов получало обширные торговые привилегии в России и значительную автономию, поскольку присутствия русских приказных и сборщиков податей в нем не предусматривалось. Предполагалось, что Магнус будет оказывать России умеренную военную помощь в случае, если сам Иван выступит в поход. Ливонское королевство должно было обеспечить свободный импорт товаров в Россию и вывоз русских товаров на Запад, в чем и состояла главная цель Ивана. Состоялась помолвка Магнуса со старшей дочерью Владимира Старицкого Евфимией, которой тогда было всего двенадцать лет, и он был коронован ливонской короной. Договор между Магнусом и Иваном был подписан членом опричнины и представителем земской администрации дьяком В. Щелкаловым, восхождение которого по служебной лестнице только начиналось³⁹.

Чтобы завоевать доверие своих новых подданных, Иван заявил о своем собственном германском происхождении (миф о потомстве Пруса, брата Цезаря Августа), о том, что он любил немцев и хотел выдать своих дочерей за германских принцев (в то время у него не было дочерей). Царь приказал отпустить немецких военнопленных и вернуть на родину ливонских горожан из Дерпта. (Следует напомнить, что «германцами» русские в то время называли преимущественно ливонцев.)

6 июля новый король Магнус Ливонский выступил из Москвы в поход на Ревель, имея в своем распоряжении 15 000 ублей и 20 000 русских солдат⁴⁰. Видимо, в припадке раздражения против своих сыновей Иван зашел так далеко, что обещал Магнусу сделать его своим преемником на русском троне, унизив своих сыновей и свой народ, *«которых он хотел попирать ногами»*⁴¹. Однако льстивые речи Таубе и Крузе не произвели на жителей Ревеля желаемого эффекта, тем более что они помнили об участии Новгорода, хорошо им известной благодаря тесным сношениям с этим городом, и решили держаться своего нынешнего шведского сюзерена. Горожане помогали шведскому гарнизону, поливая стены водой, которая замерзала на гладкой поверхности* и мешала

* Осада продолжалась с августа 1570 по март 1571 года.

взбираться на них шумрующим русским войскам герцога Магнуса⁴². В конце концов, осада была снята шведским флотом, так что мечте Магнуса на сей раз не суждено было сбыться. Иван между тем не был уверен, что ему удалось выкорчевать все корни измены, охватившей, по его мнению, все общество и распространившейся от Новгорода до Москвы. На фоне нарастающей бедности, обнищания и даже голодания народа он продолжал искать доказательства противодействия или измены. Недавние дипломатические прения с посольством Речи Посполитой и неудовлетворительный ответ английской королевы должны были напомнить царю о многочисленных неприятностях прошлых лет. Шлихтинг рисует ужасающую картину жестоких и садистских развлечений, которым царь предавался в 1570 году по возвращении из Новгорода в Москву, после отъезда 3 июля 1570 года литовского посольства и 6 июля — Магнуса Датского. Архиепископ Пимен и сотни других новгородцев подверглись в Москве и Александровской слободе пыткам, в которых Иван принимал спорадическое участие. Естественно, не все выдерживали истязаний, и число доносов множилось. Расправу над жертвами старались ускорить все те, кто ждал своего часа, чтобы занять места и унаследовать богатства попавших в опалу и погибших. В начале июля пострадал брат Висковатого Третьяк, который был убит вместе с женой за мнимое участие в новгородском заговоре⁴³. Брат был не в состоянии его спасти.

Иван Михайлович Висковатый, фактически возглавлявший русскую дипломатию на протяжении многих лет, видимо, способствовал росту подозрительности, которую царь распространял на своих старых друзей из земщины, товарищей по оружию (и, если говорить о Федоре Басманове, любовников) из опричнины, к своим слугам в управлении страной и в Боярской думе. Всю свою жизнь Висковатый был верным слугой Ивана, в том числе во время кризиса 1553 года, связанного с вопросом о престолонаследии младенца Дмитрия⁴⁴. Много лет подряд он был главой Посольского приказа и принимал участие в переговорах со Швецией, Литвой и Данией, где находился с поручением в 1553 году. Хотя Висковатый лишился должности дьяка, ответственного за иностранные дела (в земщине), он стал хранителем печати и сохранил решающее влияние на принятие и исполнение внешнеполитических решений. Большинство исследователей согласны в том, что он принадлежал к сторонникам войны в Ливонии и противникам действий против крымцев на юге, то

есть действовал в соответствии с желаниями Ивана. С другой стороны, он подал на Земском соборе 1566 года несколько туманное отдельное мнение, которое могло вызвать подозрения Ивана. Литовцы, вне сомнений, были уверены, что он настроен против них⁴⁵. Тем не менее в ряде случаев Висковатый выступал против политики Ивана, в частности по поводу иконописания⁴⁶.

По-видимому, тайным зачинщиком дела против Висковатого и Фуникова был дьяк Андрей Иванович Щелкалов. В середине июля 1570 года братья Висковатые были обвинены в связи с расследованием по новгородскому делу в том, что собирались вместе с заговорщиками из Новгорода свергнуть царя и передать власть князю Старицкому. Висковатый, судя по всему, во время допроса после ареста совершил отважную и даже безрассудную попытку убедить царя не проливать так много крови и пощадить знать. Кто захочет жить в его царстве, сражаться за него, если столько храбрых людей будет уничтожено? Иван отвечал: *«Я не истребил вас всех, потому что я еще не приступил к делу, но я собираюсь полностью расправиться с вами, насколько будет в моих силах, так что память о вас сотрется. Надеюсь, что мне будет сопутствовать успех, но если это не так и если на меня обрушится Божья кара, и я уступлю своим врагам, то лучше я послужу как следует Господу, чем буду посмешищем для вас, моих холопов»*⁴⁷.

Но Висковатый и Фуников были не единственными жертвами⁴⁸. Были арестованы главы многих других приказов, в том числе отвечавшего за пожалованные земли (Поместного), за доходы (Большой приказ), за борьбу с разбойниками (Разбойный приказ)⁴⁹. Когда, где и как происходила расправа с этими людьми и где их содержали, неизвестно.

Подоплекой жестокости Ивана были определенные интересы членов опричнины, как аристократов, так и служилых дворян, которые стремились убрать с дороги старые княжеские семейства, именитых бояр и главных дьяков, руководивших приказами и земщиной. Мишенью тайной интриги были также некоторые из первых соратников Ивана по опричнине, например, князь А.Д. Вяземский и Басмановы.

Заключительный акт драмы разыгрался 25 июля 1570 года. В день св. апостола Иакова подручные Ивана приготовили место казни — Поганую лужу, — на которой были вкопаны двадцать огромных столбов, соединенных перекладинами, и котлы с холодной и кипящей водой. Затем появился царь верхом на лошади, одетый в черное, во всеоружии, с луком, стре-

лами и секирой, в сопровождении 1500 конных стрельцов. Шлихтинг, который был очевидцем этих событий (как и ливонские дворяне Таубе и Крузе), рассказывает, что примерно триста человек, избитых, измученных и в состоянии прострации, ковыляющих на сломанных ногах, были поставлены перед Иваном и его шестнадцатилетним сыном, царевичем Иваном Ивановичем. *«Видя, что народ оробел и отворачивается от подобной жестокости, — пишет Шлихтинг, — тиран разъезжал верхом, увещевая народ не бояться. Он велит народу подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев. Услышав это, народ подходит ближе, а другие влезают на крыши домов. Тиран снова возвращается к черни и, стоя в середине ее, спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников. Народ восклицает громким голосом: “Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их”. Тиран ... велит вывести на средину 184 человека и говорит своим боярам, которые стояли в некотором отдалении от упомянутой толпы телохранителей: “Вот возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собою; не имею никакого суда над ними”»⁵⁰.*

Затем появился Василий Щелкалов с длинным перечнем обвинений. Первым из осужденных был Висковатый, который еще 12 июля вел переговоры с литовскими послами в ранге хранителя государственной печати⁵¹. Он обвинялся не только в связях с Литвой, но даже в том, что поддерживал тайные сношения с турками и крымским ханом и предлагал им напасть на Россию. После прочтения каждого из пунктов обвинения Щелкалов наносил Висковатому удар кнутом по голове. Палачи попытались уговорить Висковатого сознаться в совершенных им преступлениях и просить помилования, но он отрицал свою вину и громко заявил, что Бог рассудит его и Ивана на том свете. *«Вы жаждете моей крови, так приступайте и напейтесь досыта крови невинного. Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем»,* — были его последние слова. Висковатого повесили между столбами и начали отрезать части тела. Малюта Скуратов отрезал у него нос, другой опричник — уши, и, наконец, еще один, Иван Реутов, — половые органы, отчего дьяк скончался. Однако Иван, заподозрив, что Реутов сделал это из жалости, чтобы ускорить смерть осужденного, крикнул ему: *«Ты также скоро выпьешь из той же чаши, из которой выпил он».* (К своему счастью, Реутов вскоре умер от чумы.)⁵²

Теперь настала очередь казначея Фуникова, который также решительно заявил о своей невинности и сказал, что *«гуша тирана ответит за убийство ни в чем не повинных людей»*. Иван ответил: *«Ты погибнешь не от моей руки, не по моему внушению или, скорее, не по моей вине, а твоего товарища, его ведь ты слушался, от него всецело зависел. Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим»*. Фуников подвергся медленной казни: его поочередно обливали то ледяной, то кипящей водой. За ним последовали главы нескольких приказов, которых в ряде случаев сопровождали их жены и дети. Григорий Шапкин вместе с женой и двумя сыновьями был обезглавлен князем Василием Темкиным, опричником, который положил их тела к ногам Ивана. Убит был Лев Салтыков, так отличившийся при разграблении Новгорода. Всего различным видам казни подверглись 116 человек⁵³, у некоторых были вырваны ребра, с других живьем содрали кожу или посадили на кол. Последним был старик, едва державшийся на ногах. Иван пронзил его копьем, затем ударил еще шестнадцать раз и велел обезглавить. После этого по прошествии четырех часов удовлетворенный царь удалился в свой дворец⁵⁴. По словам русского историка А.А. Зимина, *«много ужасов видала на своем веку русская столица ... Но то, что произошло в Москве 25 июля, по своей жестокости и садистской изощренности превосходило все случавшееся ранее и может быть объяснено только изуверским нравом и большим воображением Ивана Грозного»*⁵⁵.

На этом репрессии не закончились. В последующие дни были казнены от пяти до семи десятков пленных новгородцев и примерно восемьдесят членов их семей⁵⁶. Не подлежит сомнению, что в среде опричников возникла междоусобица вследствие обилия доносов, перемены отношения Ивана к семье Старицких ввиду женитьбы герцога Магнуса на дочери Владимира и растущего недоверия царя к собственным приспешникам. Приблизительно в это время исчезли при невыясненных обстоятельствах трое высших членов опричнины, которые, вероятно, проявили признаки неодобрения политики Ивана, оказались замешанными в заговор с целью передачи Новгорода польско-литовскому королю и пытались воспрепятствовать действиям Ивана. По словам Шлихтинга, князь Афанасий Вяземский с момента основания опричнины был одним из ее предводителей и стоял так близко к Ивану, что тот принимал лекарство только из его рук. Шлихтинг мог знать об этом, так как состоял на службе

у врача-бельгийца при Иване, доктора Арнольда (известного также как доктор А. Линдсей)⁵⁷. Но Вяземский, как и оба Басмановых, по-видимому, был в глубине души (если таковая у него имелась) против разорения Новгорода. Некоторые из опричников стали склоняться к мысли, что Иван заходит слишком далеко, и существует предположение об имевшей место попытке Вяземского предупредить архиепископа Пимена. После доноса человека последнего, некоего Ловчикова, об утечке относительно планов царя покарать Новгород Иван приказал убить слуг Вяземского, и тогда князь на несколько дней укрылся в доме доктора Арнольда (где Шлихтинг и мог его видеть). Однако Ивану удалось схватить его и подвергнуть особой процедуре избиения должников (правежу), чтобы отторгнуть у него все его богатства. При этом тело князя вспухло, и он начал доносить на других, желая поскорее положить конец своим мучениям. В этот момент Шлихтинг бежал из России и скрылся в Литве, поэтому он не смог поведать о дальнейшей судьбе Вяземского. Немец предложил свои услуги Сигизмунду Августу.

Видимо, Вяземский не был казнен, так как его имя не внесено в Синодик; вероятно, он умер в тюрьме⁵⁸. Имена Алексея и Федора Басмановых также исчезают в это время, но они есть в Синодниках, так что можно предположить, что их казнили. Говорят, что Федора Басманова заставили казнить своего отца. Иван послал 100 рублей в Троицкий монастырь на помин души Федора Басманова, а впоследствии вернул некоторые семейные вотчины его сыновьям⁵⁹, один из которых, Петр, стал деятельным сторонником первого Лжедмитрия и умер, сражаясь за него в Смутное время. Вероятно, судьба отца поколебала его верность Рюриковичам*. Скрынников приписывает устранение всемогущего Вяземского и Басмановых козням Малюты Скуратова и В.Г. Грязного, который некогда служил Владимиру Старицкому, а затем помог погубить его и в дальнейшем приобрел расположение Ивана⁶⁰.

Эти ужасные дни оказали сильное впечатление на жителей Москвы. На Ивана, видимо, тоже, потому что после избиений 25 июля он уже никогда не относился к своим «собратьям по оружию» с прежним доверием⁶¹.

* Петр Басманов изменил сыну Годунова, Лжедмитрий же был формально сыном Ивана Грозного, т.е. Рюриковичем.